

Научная статья

УДК 811.161.1'37:392.7
DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-138-157

**Выявление оценочного потенциала
нейтрального слова в поэзии
(по данным поэтических интернет-корпусов)**

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия
timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Аннотация

В работе осуществляется квантитативное когнитивно-дискурсивное исследование имплицитной оценочности событийного глагола *случиться* в репрезентативных контекстах его употребления по данным поэтического корпуса в Национальном корпусе русского языка. Верифицируется гипотеза о том, что в дискурсе художественного типа частотные показатели позитивной или негативной имплицитной оценочности для глагола *случиться* могут проявлять отклонения от стандартных показателей в основном корпусе, т. е. в условно внехудожественной речи, которые принимаются за корпусную норму, за точку отсчета. Делается вывод, что в русской поэтической речи имеется существенный «дрейф» семантической ауры глагола *случиться* в направлении развития негативно-оценочного потенциала, причем для языка поэзии это характерно даже в большей степени, чем для дискурсов нехудожественного типа.

Ключевые слова

глагол *случиться*, лингвистическая аксиология, квантитативный анализ корпусных данных, имплицитная оценочность, язык русской поэзии

© Радбиль Т. Б., 2024

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>

Для цитирования

Радбиль Т. Б. Выявление оценочного потенциала нейтрального слова в поэзии (по данным поэтических интернет-корпусов) // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 138–157. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-138-157

Revealing the Evaluative Potential of a Neutral Word in Poetry (According to the Data of Internet Poetry Corps)

Timur B. Radbil

National Research
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation
timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Abstract

The paper carries out a quantitative cognitive-discursive study of the implicit evaluativeness of the event verb *sluchit'sya* (*to happen*) in representative contexts of its use according to the poetic corpus in the Russian National Corpus. The hypothesis is verified that in the discourse of the literary type, the frequency indicators of positive or negative implicit evaluation for the verb *sluchit'sya* (*to happen*) may show deviations from the standard indicators in the main corpus, i.e. in conditionally non-poetic speech, which we will take as a corpus norm, as a starting point. It is concluded that in Russian poetic speech there is a significant “drift” of the semantic aura of the verb in the direction of the development of negative evaluative potential, and this is even more typical for the language of poetry than for non-poetic discourses.

Keywords

verb *sluchit'sya* (*to happen*), linguistic axiology, quantitative analysis of corpus data, implicit evaluativeness, language of Russian poetry

Acknowledgements

The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00368, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00368/>

For citation

Radbil T. B. Revealing the Evaluative Potential of a Neutral Word in Poetry (According to the Data of Internet Poetry Corps). *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 138–157. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-138-157

Введение

Изучение разнообразных способов языкового воплощения ценностей в речевой практике носителей языка в последнее время является одним из наиболее востребованных направлений современных лингвокультурологических штудий [Ковшова, 2013; Зыкова, 2017; Радбиль и др., 2020]. Новейший научный инструментарий лингвистической аксиологии, который во многом восходит к концепции Н. Д. Арутюновой [1999], сегодня обогащается исследовательским аппаратом лингвистического когнитивизма [Болдырев, 2014; Красных, 2016] и концептологии [Радбиль, Сайгин, 2019; Карасик, 2020], дискурс-анализа [Дементьев, 2013; Радбиль, 2020]. Немалый интерес в этой связи представляет анализ «языка ценностей» в дискурсах разного типа, прежде всего в дискурсах «активного воздействия» [Соколова, 2017], таких как медиадискурс [Клушина, 2019; Радбиль, 2021] или художественный дискурс [Фещенко, 2009], которые предстают как своего рода лаборатории всевозможных активных процессов, языковых инноваций, девиаций и экспериментальных практик, в том числе и в выражении ценностных смыслов. Значительно активировавшийся в новейший период анализ «больших данных», в нашем случае – корпусных данных [Чернявская, 2018], позволяет придать исследованиям «языка ценностей» новый импульс, включить их в квантитативно-дискурсивную парадигму современного гуманитарного знания.

В настоящей работе представлены новые аспекты нашей исследовательской программы по изучению дискурсной реализации имплицитной, или наведенной, оценочности русских слов и выражений по данным корпусного анализа. Речь идет о попытке сопоставительного квантитативного исследования языкового выражения ценностей в дискурсах художественного и нехудожественного типов. Нас интересует оценочный потенциал так называемых событийных глаголов типа *случиться* или *произойти*, которые в лексической системе языка, по сути, никакой оценочности не содержат, но при анализе большого массива контекстов употребления обнаруживают определенное тяготение к актуализации позитивно-оценочных или негативно-оценочных смыслов.

Характеристика методов и материала исследования

Наше исследование основывается на концепции «семантической ауры», или «(семантической) просодии» слова Дж. Р. Фёрта и Дж. Синклера, т. е.

некоего, не всегда осознаваемого носителями языка и не фиксируемого словарями ассоциативно-смыслового фона слова, как правило, оценочной природы, который стабильно и регулярно выводится из совокупности всех контекстов употребления данного слова [Firth, 1957; Sinclair, 1991]. «Аура» выявляется при корпусном анализе повторяющихся или сходных по смыслу коллокатов интересующего нас слова (единиц минимального контекстного окружения). Семантические просодии прокручиваемых через корпусный анализ слов или выражений выявляются индуктивно, эмпирическим путем, через обнаружение и интерпретацию наиболее частотных коллокатов [Louw, 1993].

Почему же именно глаголы с семантикой события / происшествия? Мы отталкиваемся от феномена, на который в свое время обратил внимание Дж. Синклер: английское слово *to happen*, оказывается, имеет негативную ауру примерно в 70 % случаев из выборки контекстов его употребления, что, разумеется, не фиксирует ни один словарь. Это наблюдение подтверждается и простым фактом: всем известный исключительно частотный вопрос в бытовой диалогической коммуникации типа *Что случилось?* имплицитно, как правило, предполагает задающего этот вопрос о том, что случилось что-то плохое. Иными словами, люди чаще говорят о том, что случилось что-то плохое, нежели о том, что случилось что-то хорошее.

В качестве непосредственной процедуры исследования использовалась методика, примерно схожая с «ручной разметкой» сантимерта в разнообразных компьютерных методиках определения эмоциональной тональности текста (сантимерт-анализа) [Колмогорова и др., 2018]: контекст употребления интересующего нас слова квалифицировался как позитивно-оценочный, нейтральный (нулевой) или негативно-оценочный.

Материалом исследования являются словарные толкования глагола *случиться* в основных русских толковых словарях (БАС, 1962; МАС, 1988, СО, 2000) и языковые данные, извлеченные из основного корпуса и из поэтического корпуса в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Наведенная оценочность глагола *случиться* по данным корпусного анализа

В соответствии с принятой процедурой исследования корпусный анализ предваряется анализом лексикографических данных. В русских толко-

вых словарях представлены следующие толкования: (1) '(1 и 2 л. не употр.) Произойти, совершиться'; (2) '(безл., с неопр. ф. глагола). Прийтись, выпасть на чью н. долю, представиться случаю' – в функции вспомогательного глагола; (3) 'Случайно оказаться, быть, иметься где-либо, обнаружиться (разг.)' – этимологическое значение (БАС, 1962; МАС, 1988, СО, 2000). Нетрудно видеть, что ни одно из трех словарных значений не содержит ни позитивной, ни негативной оценочности.

Для большей строгости анализа было принято ограничиться только исходным, первым значением 'произойти, совершиться', которое, на наш взгляд, является прототипически событийным, эвентуальным.

В предыдущих работах мы уже провели количественный анализ контекстов употребления глагола *случиться* по данным основного корпуса в Национальном корпусе русского языка [Радбиль, 2023]. Этот глагол, наряду с глаголом *произойти*, может рассматриваться в качестве условного эквивалента вышеупомянутого английского глагола *to happen*. На этом этапе мы ограничились только глагольными формами, которые выражают представление об уже случившихся событиях или предположение о том, что они обязательно случатся. Таким образом, мы рассмотрели только лексемы совершенного вида прошедшего и простого будущего времени, а также инфинитивы совершенного вида.

Для каждой из разновидностей была произведена сплошная выборка по первым ста вхождениям в корпус, затем выявленные контексты подвергались интерпретации с точки зрения наличия или отсутствия в них оценки. Проще говоря, мы оценивали, **случилось ли** или **случится ли**, с точки зрения говорящего, что-то хорошее или что-то плохое.

Наши наблюдения для слова *случиться* показали – около 60 % (58,5 %) контекстов негативной оценочности на фоне 20 % нейтральных и 21,5 % положительных употреблений. Это довольно большой и значимый статистический показатель «веса» негативно-оценочных контекстов в общем массиве проанализированных употреблений, хотя и несколько «не дотягивает» до синклеровской цифры в 70 %.

В настоящей работе, на следующем этапе исследования, необходимо специализировать полученные данные по разным типам дискурса. В частности, на предварительном, эмпирическом уровне была выдвинута гипотеза о том, что в дискурсе художественного типа частотные показатели имплицитной оценочности для глагола *случиться* могут проявлять отклонения от стандартных показателей в основном корпусе, т. е. в условно внехудожественной речи, которые мы примем за корпусную норму, за точ-

ку отсчета. Иначе говоря, следует установить, **случилось ли** или **случится ли** что-то хорошее или что-то плохое, с точки зрения русских поэтов. Материалом для этой стадии исследования являются языковые данные поэтического корпуса в Национальном корпусе русского языка.

Весь массив употреблений был разбит на следующие кластеры: (1) глагол прошедшего времени среднего рода, включая безличную форму как максимально частотный, согласно предварительным эмпирическим исследованиям, – *случилось*; (2) глаголы прошедшего времени мужского и женского рода, глаголы прошедшего времени множественного числа – *случился*, *случилась*, *случились*; (3) глаголы простого будущего времени – *случится*, *случатся*; (4) инфинитив – *случиться*. Для каждого из классов была произведена сплошная выборка по первым ста вхождениям в корпус, затем выявленные контексты подвергались интерпретации с точки зрения наличия или отсутствия в них оценки (всего, таким образом, получилось 400 примеров).

Ниже продемонстрируем некоторые показательные разновидности контекстов, в которых наводится имплицитная оценочность. Сначала приведем примеры **негативно-оценочных смысловых аур**. В предельно простом случае негативная оценка имплицитируется заполнением валентности на актантам словом с негативной семантикой (*случилась беда*, *несчастье*, *авария* и под.):

- (1) *...и плачет, к любви непригодный, под твердую коркою льда // беспомощный ангел подводный, // с которым случилась беда* (С. В. Кекова. «Созвездий небесное братство, причуда пустого ума...» (1980–1999));
- (2) *Смерть случилась до кончины // И за рюмочкой винца // Вы справляли годовщины // Незаметного конца* (Д. Самойлов. На смерть кузнечика (1974));
- (3) *Что ни утро, то аврал! // Но случилась беда – // Я документ потерял!* (А. А. Галич. Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане (1972));
- (4) *Звери кланчили гостинцы, // И случился тут скандал...* (М. Л. Моравская. Маленькая няня, 2 (1914)).

Действие оператора отрицания НЕ, в отличие от стандартных методик определения эмоциональной тональности текста, мы игнорировали, потому что нас интересует именно предикат *случиться*, а не его отрицание.

Иначе говоря, контекст типа *не случилось ничего плохого* интерпретируется с элиминацией НЕ (*случилось что-то плохое*). Ведь такое НЕ – это оператор общеотрицательного суждения, в котором отрицается ситуация в целом (отрицается, что произойдет плохое). Значит, для самого предиката *случиться* здесь раскрывается именно имплицитная негативная оценочность, например:

- (5) *Да будет чист пред Богом человек // И отойдет от зла, да не случится // И худшее того, что вам предрек // Спасённый чудом голос очевидца!* (О. А. Охапкин. Судьба Ионы (1973));
- (6) *Пока не случилась беда, // вошли бы в мерцании капель* (Ю. Д. Левитанский. Дождь (1963));
- (7) *Едва с ней не случился от испуга столбняк...* (О. Э. Мандельштам. Сыновья Аймона (1921–1929));
- (8) *Воды-то много тут, чтоб не случился // С ним грех какой...* (А. Н. Майков. Машенька (1845)).

Как видим, в рассмотренных выше примерах речь идет именно об «отраженной», наведенной негативной оценочности, задаваемой контекстным окружением интересующего нас слова. Аналогичный механизм имплицирования негативной оценочности реализуется и в **расширенном контексте** путем общего отрицательно-оценочного смысла всего фрагмента. Он может эксплицироваться предшествующими или последующими пропозициями, ключевыми лексемами в дальнейшем контексте и под.:

- (9) *А что случилось? // Мёртвым своим телом // бессмысленно, случайно, ни за что, // он голубя убил* (Е. А. Евтушенко. Голубь в Сантьяго (1978));
- (10) *Крики, шум, // И лязг наручников, и снова // **Всё, что случится, было встарь:** // Тюрьма, решетка, ночь, фонарь // И сонный оклик часового* (М. Вега. Кирилл Радищев, 3 (1969));
- (11) *Не обморок – о нет! – со мной случился. // Как некогда провидец Сведенборг, // я заживо в дремучий ад спустился* (С. В. Петров. Путешествие (1942)).

Также во многих случаях мы, видимо, можем говорить и о действии прагмалингвистического механизма **инференции** – новой информации, которую адресат в соответствии с замыслом говорящего должен самостоя-

тельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. [Болдырев, 2014], например:

- (12) **Что случилось с тобой, земля, // отчего ты сыра и так негостеприимна?** // (Б. Ш. Кенжеев. «Прятки, салки да третий лишний. Есть о чем еще погадать...» (2003–2005)) – наводится инференция ‘что плохого случилось?’;
- (13) **Ничего не случилось.** // *Хорошо бы и ничего не случилось* (Н. Байтов. «Ничего не случилось...» (1986)) – наводится инференция ‘ничего плохого не случилось’;
- (14) **Только у темной иконы спросила: // «Господи, что с Петербургом случилось?»** (М. Вега. Балерина (1976)) – наводится инференция ‘что плохого случилось?’.

По вышеописанным моделям также в контекстах употребления глагола *случиться* может задаваться и **позитивно-оценочная тональность**. Прежде всего это модели сочетаемости глагола с субъектным актантом-существительным негативной семантики (*случилось чудо, любовь, радость* и пр.):

- (15) **И тут случилось чудо:** // *На закате // Забрехала из тучи синева, // И яркий луч пробился, как в июне, // Из дней грядущих в прошлое мое* (А. А. Тарковский. «В последний месяц осени...» (1973–1977));
- (16) **Если б случай счастливый случился, // я таким бы не получился** (Б. А. Слуцкий. Суровая нитка (1970–1975));
- (17) **В тот день случился праздник на земле** (Б. А. Ахмадулина. Воспоминание о Ялте (1969));
- (18) **О, еще с тобой случится // всё – и молодость твоя** (Б. А. Ахмадулина. «О, еще с тобой случится...» (1957)).

Есть и примеры имплицирования позитивной оценочности в расширенном контексте, которая наводится посредством соседних пропозиций и / или ключевых слов:

- (19) **Так, Михаил Михайлович, случилось, // что, под приглядом влюбчивых зевак, // Вас подждал избранник и счастливец // и просто душно Мишей называл** (Б. А. Ахмадулина. Пациент, 7 (2002));

- (20) *За что мне удача счастливая эта? // Чем я заслужил эту щедрую милость? // Я многих не лучше, кого уже нету, // И многих не хуже... Но так уж случилось* (Н. М. Коржавин. «Чудак... Неумеха... Почти что калека...» (2002));
- (21) *В своем измерении // Так и случилось // Я снова // С вами // Друзья // Я узнаю вас // Я стою // На родной Земле* (И. С. Холин. Поле (1959–1989)).

В следующих случаях, как и в примерах с негативной тональностью, позитивная тональность наводится посредством прагмалингвистического механизма **инференции**:

- (22) *То, чего не случилось // В нашей жизни, // случится за гробом, быть может* (С. Г. Стратановский. Речь представителя Министерства культуры Украины на открытии мавзолея (2001)) – наводится инференция ‘не случилось чего-то благоприятного’;
- (23) *Странно думать, что выжил, но это случилось* (И. А. Бродский. Колыбельная Трескового Мыса (1975)) – наводится инференция ‘случилось что-то позитивное’;
- (24) *Всё случится и выйдет, // если небо поможет* (Б. А. Слуцкий. «Долголетье исправит...» (1970–1973)) – наводится инференция ‘случится что-то хорошее’.

К **нейтральным в ценностном отношении контекстам** мы условно относим случаи, когда знак оценочности либо неопределенный, либо ситуативный. Это, например, случаи, когда непосредственный субъектный акт при предикате *случиться* вообще находится вне сферы оценочности (*случилась неожиданность, перемена* и под.):

- (25) *В полный голос зашлась тишина, // И случилось на море **трясенье*** (Ю. П. Кузнецов. Последнее искушение (1991));
- (26) *Случай необыкновенный, // Хоть и вроде бы простой, // Что случилось предвоенной // Незапамятной зимой...* (А. П. Межиров. Поэмка (1986–2000));
- (27) *Случайно разговорились, // Поскольку **случилась причина** // – Саврасов* (Д. Самойлов. «Грачи прилетели» (1986));
- (28) *Но вот весной, летом ли // **Случилась перемена*** (Д. Самойлов. Двор (1961));

- (29) *Но недавно случилась история – // Я купил радиолу «Эстония», // И в свободный часок на полчаса // Я прилеж позабавиться классикой* (А. А. Галич. Баллада о прибавочной стоимости (1963)).

Однако чаще всего нейтральные внеоценочные импликации задаются расширенными контекстами, содержание которых расшифровывает семантически пустые местоименные актанты при глаголе *случиться* (*это, что-то, всё, то, что, как-то ... случилось*). Как правило, в этих случаях либо речь идет о простой констатации какого-либо факта, либо возможно амбивалентное толкование случившегося – как в позитивном, так и в негативном плане:

- (30) *Как-то случилось, жил // в особнячке пустом – // скрип дорогих перил, // дождь за любым окном, // вечная сырость стен, // а на полу – пятно* (Б. Б. Рыжий. Дом с призраком (08.1995));
- (31) *Как-то всё должно случиться, // по каким-нибудь таблицам, // как таблицам умноженья, // где известно нахождение // неизвестных на орбите* (А. В. Еременко. Сопряжение окружностей (1991));
- (32) *И всё с тобой случиться может тут, // Тебя вознаградят и вознесут, // И за нос проведут и объезорят!* (И. В. Елагин. «Сегодня новый замысел возник...» (1982–1986));
- (33) *И надо ж было так случиться // что я узнал под тем столбом, // что те же самые синицы // летают за моим окном* (Я. В. Смеляков. В доме Чапека (1966)).

Также в поэтическом дискурсе для внеоценочных употреблений довольно часто может быть задействован и прагмалингвистический механизм инференции:

- (34) *Что случится с Иваном – не может случиться с Петром* (Д. Г. Новиков. «От отца мне остался приемник – я слушал эфир...» (1995)) – наводится инференция '(может) случиться что угодно – и плохое, и хорошее';
- (35) *И леса там тоже шумят, что уже случилось // всё, и притом – не раз* (И. А. Бродский. «Подруга, дурнея лицом, поселись в деревне...» (1992)) – наводится инференция 'случилось всё – и плохое, и хорошее';

(36) *Должно еще что-то случиться, // А что, разберемся потом* (Е. Б. Рейн. Таруса (1955–1982)) – наводится инференция '(должно) случиться что-то пока неизвестное – плохое или хорошее'.

На следующем этапе исследования осуществляется количественный анализ размеченных данных. Анализ осуществляется отдельно по четырем кластерам, а потом дается сводный анализ. Результаты количественного анализа для наглядности представляются в графической форме.

По выборке из первых 100 контекстов для первого кластера (*случилось*), действительно, обнаруживается преобладание примеров с негативной оценочностью, почти в два раза превышающих количество нейтральных, внеоценочных контекстов (61 против 28) и около 6 раз – количество примеров с оценочностью позитивной (61 против 11) (табл. 1).

Таблица 1

Количественный анализ контекстов с имплицитной оценочностью
событийного глагола *случиться*

Table 1

The quantitative analysis of contexts with implicit evaluativeness
of the event verb *to happen*

Форма глагола	Частотность (%) в контекстах		
	с позитивной оценочностью	нейтральных	с негативной оценочностью
Случилось	11	28	61
Случился, случилась, случились	16	18	66
Случится, случатся	18	24	58
Случиться	19	19	62

Для второго кластера (*случился, случилась, случились*) по выборке из первых 100 контекстов наблюдается сходная с предыдущей группой картина, чуть больше контекстов с негативной оценочностью – 66 против 61, меньше контекстов нейтральных, внеоценочных – 18 против 28 и много больше контекстов с оценочностью позитивной – 16 против 11 (см. табл. 1).

Для третьего кластера (*случится, случатся*) по выборке из первых 100 контекстов наблюдается примерно то же: контекстов с негативной оценочностью чуть меньше, чем в первом и втором кластере, – 58, контекстов нейтральных, внеоценочных – 24, контекстов с оценочностью позитивной чуть больше, чем в первом и втором кластере, – 18 (см. табл. 1).

Наконец, для четвертого кластера (инфинитив *случиться*) по выборке из первых 100 контекстов наблюдается следующее: контекстов с негативной оценочностью – 62, контекстов нейтральных, внеоценочных – 19, контекстов с позитивной оценочностью – 19 (см. табл. 1).

Сводный количественный анализ по всем четырем кластерам на 400 вхождений дает следующие результаты (табл. 2).

Таблица 2

Сводный количественный анализ контекстов
с имплицитной оценочностью по всем группам примеров

Table 2

The aggregate quantitative analysis of implicit evaluativeness
(all forms)

Тип оценочности	Частотность, %
Контексты с позитивной оценочностью	16,00
Нейтральные контексты	22,25
Контексты с негативной оценочностью	61,75

Таким образом, мы видим преобладание примеров с негативной оценочностью больше чем в два раза над примерами контекстов нейтральных, внеоценочных и примерно в четыре раза над примерами с оценочностью позитивной. На наш взгляд, показатель в 61,75 % – значимое свидетельство наличия существенного «дрейфа» семантической ауры русского *случиться* в направлении развития негативно-оценочного потенциала, причем для языка поэзии это характерно даже в несколько большей степени, чем для дискурсов нехудожественного типа.

Это можно увидеть, сопоставив полученные данные с данными предыдущего анализа по основному корпусу в НКРЯ (табл. 3).

Таблица 3

Сопоставительный количественный анализ контекстов
с имплицитной оценочностью
(художественный и внехудожественный дискурсы)

Table 3

The contrastive quantitative analysis of implicit evaluativeness
(poetic and non-poetic discourses)

Тип оценочности	Частотность, %	
	художественный дискурс	внехудожественный дискурс
Контексты с позитивной оценочностью	16,00	21,50
Нейтральные контексты	22,25	20,00
Контексты с негативной оценочностью	61,75	58,50

**Вместо заключения:
как можно содержательно интерпретировать
полученные данные квантитативного анализа?**

Завершающий этап анализа, согласно принятой процедуре исследования, предполагает осуществление содержательной интерпретации полученных количественных данных.

Собственно говоря, традиции классических западных корпусных исследований вообще не предполагают никаких контенсивных интерпретаций, ограничиваясь простой констатацией факта, пусть самого по себе весьма примечательного. Дж. Синклер так и не объяснил, откуда у слова *happen* взялась негативно-оценочная аура? Однако на сегодняшнем уровне развития когнитивной и лингвокультурологической мысли мы всё же можем попытаться высказать кое-какие соображения.

1. Необходимо интерпретировать вообще сам факт преобладания негативно-оценочной ауры у глагола *случиться* независимо от того, в художественной или во внехудожественной речи оно употребляется. Почему люди, действительно, чаще говорят о том, что случилось что-то плохое, нежели о том, что случилось что-то хорошее? Мы предположили, что в особенностях проявления негативно-оценочной ауры у слова *случиться*

имеется универсальный и идиоэтнический компонент. Иначе говоря, отчасти, возможно, это свойственно аналогичным понятиям во многих языках, но отчасти у каждой культуры могут быть свои интенции для подобной характеристики ситуации.

Универсальный компонент в интерпретации негативно-оценочной ауры слова *случиться* может быть связан с одной, описанной в наших работах чертой мира ценностей. Норма в мире ценностей – это не средний показатель на шкале ценностей, а положительный: иными словами, норма – это умный, а не «средний член» между умным и глупым, в отличие от внеоценочных, параметрических явлений (нормой будет ни толстый и ни худой, а средних пропорций) [Радбиль, 2023]. А о норме говорят редко, важно более детально и подробно обозначить отклонения, отступления от нормы, чтобы знать, откуда опасность (типа таблички «Не влезай – убьет!») или «Осторожно! Окрашено!», не случайно в языках мира на сто ругательных слов наберется едва ли десяток хвалебных). Поэтому интенция вербализации негатива, сообщения о негативном в дискурсах разного типа может быть более часто реализована, чем потребность в сообщении о чем-то хорошем.

Национально обусловленный компонент в интерпретации негативно-оценочной ауры слова *случиться* может быть связан с одной из основополагающих ключевых идей в русской языковой картине мира, отмеченных многими учеными. Это идея о непредсказуемости мира. Характерный способ говорить по-русски о событиях – это то, что они случаются, т. е. происходят случайно, независимо от воли и желания людей. По словам А. Вежбицкой [1997], русский язык всячески поддерживает преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому уразумению. Причем эти события, которые человек не в состоянии до конца постичь и которыми он не в состоянии полностью управлять, чаще бывают для него плохими, чем хорошими.

2. Необходимо объяснить некоторые расхождения между дискурсной реализацией слова *случиться* в художественной и во внехудожественной речи. Как видно из табл. 3, процент негативной тональности в художественной речи даже несколько превышает аналогичный процент во внехудожественной речи, так сказать, «корпусную норму». С другой стороны, превышение наблюдается и для актуализации положительно-оценочной ауры. В свою очередь, случаи нейтрального, внеоценочного в художественной речи имеют меньший показатель, чем во внехудожественной.

Конечно, все наблюдения над статистикой употребления слов в поэтическом дискурсе, нивелирующие индивидуальные художественные интенции, напоминают среднюю температуру по больнице, но всё-таки мы можем говорить и о наличии каких-то общих особенностей художественного дискурса, тем более – поэтической речи. Так, нам кажется, что некоторое преувеличение показателя как негативной, так и позитивной тональности в языке поэзии может быть связано с таким, отмечаемым многими учеными да и самими поэтами свойством языка поэзии, как выявление скрытых тенденций в языковом существовании в целом и обнаружение заложенного в слове смыслового потенциала в частности [Фещенко, 2009; Радбиль, 2019]. В неожиданных, острояющих контекстах раскрываются глубинные возможности слова в поэзии. Поэтический дискурс не столько меняет значения слов, сколько проявляет заложенные в словах зародыши смысла, пред-смыслы. Это верно и применительно к раскрытию оценочного потенциала слова, который в отдельно взятых стихах может быть как бы размазан, рассеян, но который проявляется и становится отчетливо виден именно при анализе больших массивов данных.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 235 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 412 с.
- Дементьев В. В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М.: Глобал Ком, 2013. 336 с.
- Зыкова И. В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты: Монография. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
- Карасик В. И.* Языковые картины бытия: Монография. М.: Гос. ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2020. 468 с.
- Клушина Н. И.* Медиастилистика: Монография. М.: Флинта-Наука, 2019. 280 с.
- Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 456 с.

Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 139–148. DOI 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

Красных В. В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016. 496 с.

Радбиль Т. Б. Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности // Критика и семиотика. 2019. № 2. С. 171–182. DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182

Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7, № 4. С. 759–774. DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774

Радбиль Т. Б. «Псевдоценности» в современном отечественном медийном дискурсе: опыт логического анализа имплицитной оценочности в языке печатных СМИ // Медиалингвистика. 2021. Т. 8, № 4. С. 406–420. DOI 10.21638/spbu22.2021.407

Радбиль Т. Б. Ценностный компонент семантики русского слова в свете квантитативной лингвокультурологии // Владимир Даль и современная филология: Сб. науч. ст. по материалам V Междунар. конф. / Отв. ред. М. А. Грачев; Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. Н. Новгород, 2023. С. 17–26.

Радбиль Т. Б., Гранева И. Ю., Наговицына Н. В. Культурная оппозиция «свое – чужое»: русские личные и притяжательные местоимения в языковом воплощении лексического концепта «патриотизм» // Przegląd wschodnioeuropejski. 2020. № XI / 1. С. 397–405.

Радбиль Т. Б., Сайгин В. В. Концепт «грех» в контексте лексикографического описания ключевых концептов русской культуры // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 36–59. DOI 10.17223/22274200/15/3

Соколова О. В. Когнитивный механизм и коммуникативные стратегии дискурсов активного воздействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 19–30.

Фещенко В. В. Лаборатория логоса: языковой эксперимент в авангардном творчестве: Монография. М.: ЯСК, 2009. 392 с.

Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы: необходимое доказательное звено? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 31–37.

Firth J. R. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: Oxford Uni. Press, 1957. 233 p.

Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. (eds.). Text and Technology: In Honour of John Sinclair. Amsterdam: John Benjamins, 1993. P. 152–176.

Sinclair J. M. Corpus, concordance, collocation. Oxford: Oxford Uni. Press, 1991. 179 p.

Список источников

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 12. 1965. 2126 стб.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. Т. 4: С–Я. 800 с.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 20.07.2023).

СО – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 14-е изд., доп. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2000. 944 с.

References

Arutyunova N. D. Yazyk i mir cheloveka [A Language and the World of a Person]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999, 896 p. (in Russ.)

Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnyuyu lingvistiku [Cognitive Semantics. Introduction to Cognitive Linguistics]. Tambov, G. R. Derzhavin TSU Press, 2014, 235 p. (in Russ.)

Chernyavskaya V. E. Diskursivnyy analiz i korpusnye metody: neobkhodimoe dokazatel'noe zveno? Ob'yasnitel'nye vozmozhnosti kachestvennogo i kolichestvennogo podkhodov [Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Issues of Cognitive Linguistics]*, 2018, no. 2, pp. 31–37. (in Russ.)

Dementev V. V. Kommunikativnye tsennosti russkoy kul'tury: kategoriya personal'nosti v leksike i pragmatike [Communicative Values of Russian Culture: the Category of Personality in Lexis and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ., 2013, 336 p. (in Russ.)

Feshchenko V. V. *Laboratoriya logosa: yazykovoy eksperiment v avantgardnom tvorchestve* [Logos Laboratory: a Language Experiment in Avant-Garde Creativity]. Monograph. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2009, 392 p. (in Russ.)

Firth J. R. *Papers in Linguistics: 1934–1951*. Oxford, Oxford Uni. Press, 1957, 233 p.

Karasik V. I. *Yazykovye kartiny bytiya* [Language Pictures of Being]. Monograph. Moscow, A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language Publ., 2020, 468 p. (in Russ.)

Klushina N. I. *Mediastilistika* [Media Stylistics]. Monograph. Moscow, Flinta-Nauka Publ., 2019, 280 p. (in Russ.)

Kolmogorova A. V., Kalinin A. A., Malikova A. V. *Lingvisticheskie printsipy i metody komp'yuternoy lingvistiki dlya resheniya zadach sentimentanaliza russkoyazychnykh tekstov* [Linguistic principles and methods of computational linguistics for solving the problems of sentiment analysis of Russian texts]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], 2018, no. 1 (29), pp. 139–148. (in Russ.) DOI 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

Kovshova M. L. *Lingvokul'turologicheskiy metod vo frazeologii: kody kul'tury* [Cultural-Linguistic Method in Phraseology: Codes of Culture]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2013, 456 p. (in Russ.)

Krasnykh V. V. *Slovar' i grammatika lingvokul'tury. Osnovy psikholingvokul'turologii* [Dictionary and Grammar of Linguoculture. Fundamentals of Psycholinguoculturology]. Moscow, Gnozis Publ., 2016, 496 p. (in Russ.)

Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer? The diagnostic potential of semantic prosodies. In: Baker M., Francis G. Tognini-Bonelli E. (eds.). *Text and Technology: In Honour of John Sinclair*. Amsterdam, John Benjamins, 1993, pp. 152–176.

Radbil T. B. “Psevdotsennosti” v sovremennom otechestvennom mediynom diskurse: opyt logicheskogo analiza implitsitnoy otsenchnosti v yazyke pechatnykh SMI [“Pseudo-values” in modern domestic media discourse: an experience of logical analysis of implicit appraisal in the language of print media]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2021, vol 8, no. 4, pp. 406–420. (in Russ.) DOI 10.21638/spbu22.2021.407

Radbil T. B. “Samoizolyatsiya” kak noveyshiy russkiy kul'turnyy kontsept: kognitivno-diskursivnyy aspekt [“Self-isolation” as the latest Russian cultural concept: a cognitive-discursive aspect]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Com-

munication Studies], 2020, vol. 7, no. 4, pp. 759–774. (in Russ.) DOI 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.

Radbil T. B. Lyric and narration as two versions of cognitive modeling of the reality. *Critique and Semiotics*, 2019, no. 2, pp. 171–182. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182

Radbil T. B. Tsennostnyy komponent semantiki russkogo slova v svete kvantitativnoy lingvokul'turologii [Value component of the semantics of a Russian word in the aspect of quantitative linguoculturology]. In: Grachev M. A. (ed.). Vladimir Dal i sovremennaya filologiya [Vladimir Dal and Modern Philology]. Sat. scientific articles based on materials of the V International Conference. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State Linguistic Uni. Press, 2023, pp. 17–26. (in Russ.)

Radbil T. B., Graneva I. Yu., Nagovitsyna N. V. Kul'turnaya oppozitsiya “svoe – chuzhoe”: russkie lichnye i prityazhatel'nye mestoimeniya v yazykovom voploshchenii leksicheskogo kontsepta “patriotism” [Cultural opposition “one’s own – someone else’s”: Russian personal and possessive pronouns in the linguistic embodiment of the lexical concept “patriotism”]. *Przeгляд wschodnio-europejski*. 2020, no XI (1), pp. 397–405. (in Russ.)

Radbil T. B., Saygin V. V. Kontsept “grekh” v kontekste leksikograficheskogo opisaniya klyuchevykh kontseptov russkoy kul'tury [The concept “Grekh” (“sin”) in the context of the lexicographic description of key concepts of Russian culture]. *Voprosy leksikografii* [*Russian Journal of Lexicography*], 2019, no. 15, pp. 36–59. (in Russ.) DOI 10.17223/22274200/15/3

Sinclair J. M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford, Oxford Uni. Press, 1991, 179 p.

Sokolova O. V. Kognitivnyy mekhanizm i kommunikativnye strategii diskursov aktivnogo vozdeystviya [Cognitive mechanism and communicative strategies of discourses of active influence]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [*Issues of Cognitive Linguistics*], 2017, no. 3, pp. 19–30. (in Russ.)

Werbizka A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Cognition]. Ed. by M. A. Krongauz. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, 412 p. (in Russ.)

Zykova I. V. Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty [Metalinguage of Cultural Linguistics: Constants and Variants]. Monograph. Moscow, Gnozis Publ., 2017. 752 p. (in Russ.)

List of Sources

Evgeneva A. P. (ed.). Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian Language]. In 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988, vol. 4: S–Ya, 800 p. (in Russ.)

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (in Russ.)
URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 words and phraseological expressions]. 14th ed., suppl. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000, 944 p. (in Russ.)

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. In 17 vols. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1965, vol. 12, 2126 columns. (in Russ.)

Информация об авторе

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор
SPIN 2835-0370

Information about the Author

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor
SPIN 2835-0370

*Статья поступила в редакцию 31.01.2024;
одобрена после рецензирования 10.02.2024; принята к публикации 10.02.2024
The article was submitted on 31.01.2024;
approved after reviewing on 10.02.2024; accepted for publication on 10.02.2024*